

Я попытался вырваться, но не смог.

— Разрядился.

— Не мог проверить перед выходом? Ты уже взрослый, подумай немного! Что, если бы что-то случилось, ты бы здесь один, в незнакомом месте?

Я молчал, но затем ударил его, от чего ладонь заныла.

Ся Чэньчжоу отшатнулся, опрокинул стеклянный стакан на столе, и осколки рассыпались по полу.

Это был не первый раз, когда я его ударил, но в отличие от прошлых шуток, сейчас это было серьёзно.

Я воспользовался моментом, зашёл в комнату и запер дверь, открыл окно, стараясь сдержаться.

Ся Чэньчжоу пришёл в себя и начал стучать в дверь, что-то говоря, затем сильно пнул дверь и ушёл.

Я сидел на подоконнике, курил. За окном была река, типичная для южных районов.

Вода казалась глубокой, по мосту время от времени проходили люди, выглядевшие расслабленно.

Я свесил ногу из окна, курил, выпуская кольца дыма в лунном свете, пока окурочек почти не обжёг пальцы, и бросил его в реку. Оранжевый свет мгновенно исчез в воде, следы смыло течением.

Когда я очнулся, пачка сигарет была пуста.

Открыв дверь, я увидел, что в комнате никого не было.

Гостиная была пустынной, ткань на телевизоре не была снята, вокруг было темно.

Я подмел осколки стекла, не нашёл мусорное ведро и просто оставил их в ванной. Вернувшись, я нащупал на столе остывшую еду и начал медленно есть.

Куриные крылышки, которые я специально купил в лавке, были съедены дочиста.

Я уже наелся, но продолжал запихивать еду в рот, словно хотел наказать виновника.

После еды я уже не мог дышать, инстинктивно полез в карман за сигаретой.

Но, не успев достать, почувствовал тошноту, побежал в ванную и вырвал всё.

Желудочный сок поднялся в горло, только что съеденная еда вышла обратно.

Желудок сводило от боли.

Каждый вдох был как укол.

Лучше не дышать.

Осколки стекла на полу отражали свет из чужого окна, я поднял один и смотрел на него.

Только что подписанный контракт, горячая вода ещё не была подключена, я разделся и принял холодный душ.

Большое зеркало в ванной привлекало внимание.

Я посмотрел на своё отражение, с неудобством поднял ногу.

Даже сейчас мне часто снится, что я снова не могу ходить.

Живу как инвалид.

На ключице и бёдрах были следы поцелуев, любимые места Ся Чэньчжоу.

Он часто оставлял следы, как зверь, который наелся, и хотел проглотить всё целиком.

Мне стало противно, я взял осколок стекла и порезал самое заметное пятно на ключице.

Тёплая жидкость стекала по груди, рана была небольшой, я чувствовал, как тромбоциты сжимаются в повреждённых сосудах.

Боль привела меня в сознание, но я не отпустил осколок, а крепко сжал его в руке.

Честно говоря, чем я отличаюсь от своей матери?

Постоянно жду того, что мне не положено.

Если ты мусор, оставайся на свалке.

Зачем мечтать о новом начале?

На следующий день, когда Ся Чэньчжоу вернулся, я ещё лежал в постели.

Я не спал всю ночь, глаза болели, как будто в них застряла мерзкая муха.

Я чувствовал, как Ся Чэньчжоу садится рядом, я знал его дыхание.

Сначала он с ужасом посмотрел на рану, затем выбежал купить лекарства и бинты.

Когда он дезинфицировал рану, я дёрнулся, затем наложил мазь и забинтовал.

Ся Чэньчжоу знал, что я не хотел покончить с собой, я не был настолько глуп.

Но его лицо было бледным, он с трудом улыбнулся и сказал:

— Линь Ци, давай ходим к врачу.

Его улыбка была такой же, как вчера.

Он не изменился.

Я знал, что изменился.

Всего за одну ночь я стал другим.

На следующий день мы вернулись домой, но он не позволил мне вернуться к Дяде Юну.

Мы поехали к нему домой.

Я начал страдать бессонницей, в ярости ломал вещи Ся Чэньчжоу.

Его единственный семейный портрет я разбил три раза.

Пока рамка не треснула.

Я перестал есть, вес начал снижаться.

За неделю я стал другим человеком.

Затем Ся Чэньчжоу привёл мужчину, который улыбался так же, как он, с ямочками на щеках.

Он назвал его братом.

— Брат Лу, у него депрессия?

Лу Яо посмотрел на Ся Чэньчжоу и сказал:

— Лёгкая депрессия, до суицида не дойдёт. Лекарства принесу в следующий раз, рецептурные сложно достать.

Ся Чэньчжоу выглядел плохо, спросил:

— Что делать?

Лу Яо подумал и сказал:

— Сначала расскажи мне о нём, ничего не скрывай.

Ся Чэньчжоу не стал скрывать, рассказал всё, даже признался в своей ориентации.

— У него не было склонности к самоповреждению, детство было тяжёлое, — Лу Яо почесал подбородок, — Он проявлял агрессию?

— В школе он пару раз дрался, со мной тоже иногда шутил. Но до насилия не доходило, — Ся Чэньчжоу взвешивал слова.

Лу Яо вздохнул:

— В следующий раз поговорю с ним, сначала достану лекарства, сейчас строго с этим. Эй, не зацкливайся на любви, отец несколько раз звал тебя к нам, если будешь отказываться, он меня заставит тебя привести.

Ся Чэньчжоу махнул рукой:

— Сейчас не до этого, передай дяде извинения. Разберусь с этим, потом извинюсь.

Лу Яо посмотрел на Ся Чэньчжоу, за несколько дней он стал бледным, щетина на лице не брилась, выглядел неряшливо.

Лу Яо был полицейским.

Он немного изучал психологию, Ся Чэньчжоу не знал, к кому обратиться, и попросил помощи у брата.

— Хороший Линь Ци, выпей ещё немного супа.

Я взял миску, увидел кусочки мяса и вспомнил свою рану, которая в моём воображении становилась всё страшнее, кровь текла сильнее.

Я почувствовал тошноту, и Ся Чэньчжоу перестал заставлять меня есть.

Нечем было заняться, он принёс несколько DVD, мы смотрели их на диване.

Когда мне становилось плохо, он гладил меня по спине. Боясь, что я умру, он крепко обнимал меня, не отпуская ни на шаг.

Через неделю Лу Яо вернулся.

Ся Чэньчжоу разрешил ему поговорить со мной наедине, нервно оглядываясь, он вышел из комнаты.

Даже с братом он не хотел оставлять меня без присмотра.

— Линь Ци, да? — Лу Яо положил несколько бутылочек с лекарствами на стол, — Ся Чэньчжоу ушёл, ты можешь перестать притворяться.

Я молчал, откинувшись на спинку стула, но смотрел на лекарства.

Лу Яо сказал:

— У тебя нет депрессии, хватит жалеть себя. Ни один депрессивный человек не будет мучить своего парня вместо того, чтобы думать о самоубийстве.

Я усмехнулся:

— Когда ты понял?

— Когда я разговаривал с Ся Чэньчжоу. Никто с депрессией не обращает столько внимания на других, — Лу Яо сказал, — Это витамины, ты достаточно помучил его, хватит. Он, конечно, вспыльчивый, но предан тебе. Прими витамины и прекрати это.

Я молчал, первый раз я действительно хотел выплеснуть эмоции.

Но всё последующее было намеренным.

Я потянулся, взял лекарства и сказал:

— Если ты не уйдёшь, он ворвётся.

Лу Яо только встал, как Ся Чэньчжоу вошёл с двумя стаканами сока.

— Вы говорили долго, наверное, хотите пить.

Лу Яо посмотрел на меня, затем на Ся Чэньчжоу, и сказал:

— ...Ты просто безнадежен.

С детства его брат был умным и хитрым.

Но с Линь Ци он попал в ловушку.

Кто этот Линь Ци, что так глубоко его опутал.

Ся Чэньчжоу уже начал придумывать оправдания для Дяди Юна, каждую ночь ложась спать с мрачным лицом.

— Не принимать лекарства плохо, Линь Ци, послушайся.

Я покачал головой, витамины вызывали сонливость:

— Не буду.

Ся Чэньчжоу сдался, отшвырнул лекарства и обнял меня, не говоря ни слова.

<http://bllate.org/book/15276/1348592>